

Шторы в спальне были плотно задернуты, погружая комнату в мягкий полумрак. На кровати, свернувшись маленьким комочком, кто-то спал.

Стоило приоткрыть дверь из гостиной в спальню, как сладкий аромат персика стал невыносимо густым. В горле у Сюй Линвана пересохло, и его собственные феромоны невольно вырвались наружу, стараясь успокоить омегу.

Запах текилы заполнил пространство, постепенно сливаясь с персиковыми нотами в единое целое. Жунмянь лежал в короткой футболке и шортах; одна его нога высунулась из-под одеяла — белая, стройная, с легким розовым отливом, она едва заметно подрагивала.

Взгляд Линвана потемнел. Он включил ночник. Альфы в период гона не выносят яркого света, и он предположил, что у омеги во время течки чувства обострены так же сильно.

Он сел на край кровати, и под его весом матрас ощутимо прогнулся. Жунмянь почувствовал это. Его сознание было затуманено жаром, казалось, сама душа горит в огне. Он ощущал собственный аромат, ставший тяжелым, и понимал, что сил совсем не осталось.

Почувствовав знакомый запах алкоголя и тепло приближающегося тела, Жунмянь немного расслабился. Его восприятие обострилось до предела: он следил за каждым движением Линвана с того самого момента, как тот вошел в дом.

Феромоны альфы принесли лишь временное облегчение — разум Жунмяня кричал, что этого недостаточно.

Он перевернулся на спину и протянул влажную от пота руку, чтобы коснуться пальцев Линвана. — Так прохладно... — сорвался с его губ тихий стон.

В период течки любое прикосновение альфы превращается в электрический разряд. Линван ласково погладил его по лбу и притянул к себе, заключая в объятия.

Жунмянь не мог и не хотел сопротивляться. Напротив, он, словно птенец, забился в его руки. Его пальцы судорожно потянули за замок куртки Линвана, стремясь пробраться под одежду, чтобы коснуться этого молодого, сильного тела.

Омеге всегда нужно утолить жажду. Путник, затерянный в пустыне, грезит о воде; омега в течке жаждет своего альфу так же отчаянно.

Линван взял его за лицо. Золотистые волосы Жунмяня рассыпались по подушке, словно шелковистые морские водоросли. В туманно-голубых глазах застыло жгучее желание. Он сам потянулся за поцелуем — нетерпеливо, почти яростно.

Это был не просто поцелуй — он буквально врезался в него.

Линвану пришлось быстро разомкнуть губы навстречу, иначе они оба разбили бы друг другу рты в кровь. Представление Жунмяня о поцелуях основывалось только на опыте с Линваном: он сначала прикусил его язык, а затем начал неистово забирать воздух из его легких.

Прикосновения губ, наглый танец языков — мозг Жунмяня взорвался каскадом искр. Он жадно рассматривал красивое лицо Линвана, оглаживая его скулы. Жунмяню казалось, что он сам превратился в костер, а Линван был единственным источником спасительной прохлады.

Линван видел, как задралась пижама, обнажая ключицы и округлые белые плечи. Он ответил

на поцелуй еще более властно, обхватывая талию омеги и вжимая его в себя.

Обоим не хватало воздуха. Напоследок Линван коротко прикусил его нижнюю губу и отстранился.

Дыхание Жунмяня было обжигающим, губы припухли и заблестели, а рот остался приоткрытым, будто он не мог прийти в себя после такого напора. Линван с его острым зрением видел кончик его языка в этой манящей щели.

Тело Линвана напряглось. Он шумно выдохнул и приник губами к задней стороне шеи Жунмяня. Его руки крепко держали омегу за талию, золотистые пряди щекотали лицо. Жар, исходящий от Жунмяня, казалось, проникал сквозь кожу самого Линвана.

Когда он пришел, ему не было жарко, но теперь огонь полыхал в его собственных венах. — Сейчас станет легче, — прошептал он.

Влажные поцелуи оставили на загривке россыпь «клубничных» следов. Линван прикусил железу. Он слегка надавил, впрыскивая порцию феромонов.

Оба вздрогнули одновременно. Жунмянь откинул голову, полностью доверяя свой вес рукам альфы. Он инстинктивно дернулся, пытаясь оттолкнуть Линвана, но стоило его пальцам коснуться широких плеч, как жест превратился в судорожное объятие — он лишь сильнее прижал его к себе.

В глазах Жунмяня стояли слезы, лицо залил яркий румянец. Сидя на коленях перед Линваном, он чувствовал, как дрожат его икры, а пальцы на ногах непроизвольно поджимаются.

Это было... слишком остро. Слишком сильно. Временная метка сделала его запредельно чувствительным к запаху и касаниям Линвана.

В этот раз Линван не сдерживался. Отпустив железу, он нежно погладил кончиками пальцев припухшую, беззащитную зону. Другой рукой он продолжал поддерживать Жунмяня за поясницу, осыпая его лицо градом поцелуев, пока не добрался до губ, буквально впиваясь в них.

Теперь Жунмяню хватало одного касания, чтобы окончательно «поплыть». Вся его шея под золотыми волосами была покрыта красными отметинами. — Хватит... больше не надо...

Линван встретился с ним взглядом и тихо рассмеялся: — Ты сейчас не совсем в себе, так что просто предоставь всё мне.

Временная метка принесла крупицу ясности, но она тут же исчезла, когда Линван начал покусывать его кадык. Дрожащие руки Жунмяня сами собой обвилились вокруг шеи альфы.

Омеги в период течки меняются не только внешне — в это время их организм максимально готов к зачатию.

Длинные пальцы Линвана скользнули по спине. Обостренные чувства превращали любой легкий стимул в причину для сдавленного стога. Линван на мгновение замер, словно удивленный такой реакцией.

Жунмянь сгорал от стыда. Запредельное удовольствие доводило его до грани срыва. Он слабо толкнул Линвана в грудь: — Всё, достаточно.

Несмотря на то что желание еще не угасло окончательно, он уже мог себя контролировать. Линван поцеловал его в шею и убрал руку, потирая пальцы с каким-то особенным, тягучим послевкусием. —

Как скажешь. Я слушаюсь только тебя, — улыбнулся Линван, но его рука вдруг скользнула к поясу пижамных шорт Жунмяня. — Но в таком состоянии ты точно не сможешь уснуть.

Жунмянь коротко вскрикнул, и его взгляд мгновенно стал расфокусированным...

В спальне горел только крошечный ночник. Одеяло на кровати превратилось в измятый ком. Сознание Жунмяня плавало в тумане, уголки глаз покраснели, а длинные ресницы мелко подрагивали.

Линван коснулся губами его век. — Ты пахнешь чудесно. Тут нечего стыдиться.

Линван вытер руки салфеткой. Его ладони были жилистыми, сильными, с четко проступающими венами — руки воина, в которых таилась пугающая мощь и скрытая страсть.

От Жунмяня пахло персиком, перемешанным с доминантным, терпким ароматом текилы. Он пришел в себя и, невольно проследив за рукой Линвана, тут же отвел глаза. Линвану захотелось рассмеяться от этой милой неловкости.

— Я хочу в душ.

Линван кивнул и пошел набирать воду в ванну. Проверив температуру, он вернулся и подхватил Жунмяня на руки.

— Я сам могу дойти, — пробормотал тот, но при этом крепче вцепился в плечи Линвана. Ноги у него до сих пор были как ватные — самостоятельный поход занял бы вечность.

Линван нашел резинку и заботливо собрал его волосы в пучок. Жунмянь окончательно залился краской. — Ладно, хватит уже.

Он не мог не смотреть на Линвана. Всё это время альфа заботился только о нем, а значит, сам остался неудовлетворенным. Кадык Линвана дернулся. — Пойду и я сполоснусь, — бросил он.

Жунмянь мельком глянул на его руки, затем ниже, на пояс брюк, и тут же в панике уставился в пол, его ресницы беспокойно затрепетали.

— Да, иди. Скорее, — поторопил он его.

У Линвана возникло забавное чувство, будто его «использовали и выбросили». Он притянул Жунмяня к себе и легонько прикусил его ухо. — Ну ладно...

Жунмяня едва не подбросило — новая волна жара прокатилась по телу. Он сам обнял Линвана: — Правда, всё тело так ломит, просто хочу в воду.

Линван выпустил его из объятий и рассмеялся: — Хорошо-хорошо, слушаюсь и повинуюсь.

Когда Линван вышел, Жунмянь выдохнул. Он подошел к зеркалу в ванной: лицо пунцовое, шея, плечи и ключицы в синяках и отметинах. Линван был так неистов — Жунмяню казалось, что тот прокусит ему грудь, хорошо, что удалось его оттеснить.

Он разделся и скользнул в воду. Температура была идеальной. Лежа в ванне, Жунмянь начал понемногу соображать. Он закрыл глаза, лениво перебирая пальцами воду. Вспомнив прикосновения Линвана, жар его тела за своей спиной и его прерывистое дыхание, Жунмянь захотел просто нырнуть под воду с головой и не выплывать.

«Я сам себе никогда такого не делал...» — Жунмянь всегда был очень сдержан в этих вопросах и почти не имел опыта. Обычно он просто переждал приливы течи, пока они не стихнут сами собой.

Сюй Линван вернулся в гостевую спальню. Он не стал набирать ванну, душ был ему привычнее. Он небрежно скинул рубашку, обнажая плавные линии мышц спины, и ловким движением пальцев расправился с остальной одеждой.

В голове то и дело всплывал образ Жунмяня: его губы, едва приоткрытые и источающие медовый аромат, влажный розовый блеск, чуть втянутый кончик языка, белоснежные щеки и подернутые влагой глаза. У Жунмяня была очень красивая форма губ — мягкая, влажная, нежная.

Дыхание Линвана стало прерывистым. Струи воды стекали по его позвоночнику, унося с собой следы далеко не невинных мыслей.

Переодевшись, он пошел проверить Жунмяня, но тот еще не выходил из ванной. Линван открыл шкаф, сменил постельное белье, а грязное из корзины закинул в стиральную машину. Здесь он уже чувствовал себя как дома. Открыв холодильник, он на мгновение замер, а затем невольно рассмеялся. Внутри была только вода, напитки и несколько яиц.

Жунмянь определенно не был мастером кулинарии, да и в этой квартире, похоже, не появлялся вечно. Линван не хотел сегодня заказывать доставку готовой еды, поэтому вызвал курьера с продуктами.

Когда Жунмянь вышел из душа и переоделся, он почувствовал аппетитный аромат супа с ребрышками. Он так соскучился по стряпне Линвана, что у него сразу потекли слюнки. Вообще-то в такие периоды есть не особо хочется — ни доставку, ни изысканные блюда из ресторанов, порой тянет просто перебиться питательными смесями. Но этот забытый уютный дух домашней кухни, вид человека, хлопчущего у плиты... Жунмянь замер в дверях кухни, наблюдая за ним.

— Будет суп из ребрышек, жареная капуста и свинина с пряностями, — Линван вопросительно взглянул на него. На альфе был надет желтый фартук с утятами (из супермаркета вместе с продуктами прислали), и в свете люминесцентных ламп его точеное лицо никак не вязалось с образом «домохозяина».

— Как скажешь, — кивнул Жунмянь. Он открыл холодильник и увидел фрукты: виноград, дыню и четыре огромных персика. Он замер. Линван, занятый бульоном, не заметил его замешательства. Жунмянь протянул руку и слегка сжал один плод. Кожица была нежно-розовой. Быстро ополоснув его под краном, он тут же впился в него зубами.

Линван, собиравшийся позже сделать фруктовую нарезку, обнаружил пропажу одного персика и не смог сдержать смешка. «Персик ест персик».

За обедом Жунмянь выпил лишнюю порцию супа, а затем принялся за фрукты.

— Раньше я всегда проводил течку в одиночестве, — он слегка покачал головой. — Тот случай

на задании не в счет. Обычно я просто запирался дома, робот привозил еду из доставки, которую я под конец уже ненавидел и переходил на нутриенты. Голова всегда была тяжелой, никакой энергии. Поем и сразу в кровать.

Линван подошел и ласково взъерошил его волосы. Жунмянь возмущенно сверкнул глазами.

— Мой гон тоже проходит скучно. Сплю на ходу, сил ни на что нет. Пытался как-то читать или учиться в это время, но бросил — в голове полная каша, — Линван сокрушенно улыбнулся. — Я очень не люблю чувство потери контроля. Понимаешь, в нашей семье из четверых только я — альфа. Отец, папа, младший брат — все беты, их такие проблемы не касаются. А мне приходилось брать отгулы и сидеть взаперти, пока мне приносили еду под дверь. Ощущение, будто я одновременно и в тюрьме, и на свидании с заключенным.

Жунмянь понимающе кивнул. Они устроились на диване, любуясь ночным городом. Жунмянь тихо улыбнулся пустоте перед собой и крепко обхватил руку Линвана.

— Теперь ты со мной, и мне так спокойно на душе.

В сумерках угасающего дня Линван склонился и поцеловал его в макушку. — И ты со мной.

Аромат персика, исходящий от Жунмяня, стал еще гуще. Линван выпустил свои феромоны, мягко оплетая ими партнера. Жунмянь положил голову ему на колени, уставившись в потолок туманно-голубыми глазами; он чувствовал, как накатывает новая волна жара. Ему не было страшно, только немного неловко перед Линваном. Тот перебирал его пальцы, любуясь их формой, и вдруг нежно приложился губами к кончикам.

По телу Жунмяня пробежала дрожь. В такой период омеги за пределами чувствительны, особенно к ласкам своего альфы. Его ладонь скользнула под край футболки Линвана, и в момент соприкосновения его словно ударило током, сердце забило в бешеном ритме. Он еще на тренировке, когда случайно задел его пресс, мечтал это сделать. Весь день Линван доминировал, и Жунмяню хотелось отыграться. Теперь, когда разум немного прояснился, он с упоением изучал пальцами крепкие мышцы живота и спины своего альфы.

В следующую секунду мир перевернулся — Линван подхватил его на руки. Взгляд альфы упал на его просторную пижаму, голос стал хриплым: — Диван слишком узкий.

Жунмянь оказался на кровати, утопая в мягкости матраса. Линван навис сверху, сжимая его лицо в ладонях для поцелуя. Теплое дыхание коснулось уха, затем скользнуло к ключице. Увидев там оставленные ранее алые следы, Линван задышал еще тяжелее, глаза потемнели от страсти. Он не касался кожи губами, только обжигал её дыханием. Жунмяня пробрал озноб — это мучительное ожидание прикосновения было невыносимым. Он жаждал, чтобы Линван наконец поцеловал его. Этот внутренний жар требовал выхода, и выход был прямо перед ним.

— Ты что, не можешь? — с вызовом прошептал он. Линван переплел свои пальцы с его, тихо рассмеялся и тяжело прильнул к нему.

В полумраке спальни горел всё тот же ночник, отбрасывая оранжевые блики на их тела. Линван набросил на них одеяло. Золотистые пряди рассыпались по плечам темноволосого мужчины. Линван прижался щекой к щеке Жунмяня, его взгляд стал совсем жадным.

— Хочешь тоже меня укусить?

Не дожидаясь ответа, он оттянул ворот своей футболки, подставляя ключицу — словно

предлагая себя. Жунмянь сглотнул, приник к его плечу и прикусил кожу, услышав приглушенный стон альфы. Тот хрипло дышал, а в глазах омеги снова заблестели слезы.

Линван, поддавшись порыву, отпустил его руки и начал покрывать его лицо частыми поцелуями, слизывая соленые капли с уголков глаз. Жунмянь изгибался от жара, подставляя белоснежный затылок. Линван нежно потерся носом о его железу, проявляя ласку, но в следующее мгновение резко вонзил зубы.

— Ты!..

Жунмянь попытался слабо вырваться, но был полностью подавлен мощью Линвана. Запахи персика и текилы окончательно смешались, сознание омеги уплывало в туман. Кто-то шептал ему на ухо: — Можно я поплю с тобой? Ты позволишь?

Запах этого мужчины не раздражал, в его руках было так тепло. Жунмянь поудобнее устроился в его объятиях, заставив Линвана обхватить свою талию обеими руками.

— Не шуми, просто спи, — пробормотал он и затих.

Комната погрузилась в мягкий свет. Линван уткнулся лицом в шею Жунмяня. Сладость, исходящая от его кожи, казалась бесконечной — он не мог надышаться им, не мог обнять достаточно крепко. «Милый персик».

Он сжал объятия, будто хотел впитать Жунмяня в себя, стать с ним одним целым. Жунмянь не спал — он уже выспался днем, и теперь слушал, как в тишине перекликаются их сердца. Казалось, во всем мире остались только эти удары. Под одеялом было тепло и безопасно.

Губы Линвана всегда были горячими, как и он сам. С виду холодный, внутри он пылал огнем. Жунмянь потерся головой о его грудь — инстинктивная зависимость тела порой красноречивее любых слов. Линван высвободил руку и успокаивающе погладил его по спине.

Жунмянь зевнул, но сон не шел. Напротив, мысли роились в голове. Он выскользнул из объятий и из любопытства задрал край футболки Линвана. Тот, застигнутый врасплох, быстро перехватил его руку и снова притянул к себе, смеясь: — Если продолжишь в том же духе, нам сегодня будет не до сна.

Широкие ладони Линвана были теплыми и надежными. Жунмянь, уткнувшись в его плечо, прошептал: — Но я не могу уснуть.

Линван молча поглаживал его по спине. Жунмянь надулся. Обычно он не был таким эмоциональным, но сейчас инстинкты течки взяли верх над разумом. Его тянуло к этому альфе, который уже поставил на нем временную метку. Он чувствовал острую потребность в его внимании.

— Не спится мне, так плохо... — его щеки горели, а туманно-голубые глаза смотрели на Линвана с невинной мольбой.

Линван поцеловал его в волосы: — Какой же ты подлиза, когда хочешь. Ну что мне с тобой делать?

— Это всё ты виноват, — Жунмянь смущенно спрятался под его рукой. — Ты мой парень, ты и должен меня развлекать.

Линван крепко держал его — свой спелый персик. Он не мог оторвать взгляд от покрасневшегося лица Жунмяня; раньше тот никогда не был таким робким и милым.

— Хорошо, моя вина. И как же мне убаюкать тебя?

Жунмянь, прижавшись к его груди, призадумался и выдал: — Спой мне песню.

Линван, у которого медведь на ухо наступил, опешил. — Давай что-нибудь другое. Я пою ужасно, — честно признался он. Но Жунмянь настоял и даже включил аккомпанемент на браслете. Линвану пришлось пропеть несколько строк — и, конечно, он не попал ни в одну ноту. Но Жунмянь смеялся, глядя на него сияющими глазами. У Линвана защемило в груди от этого взгляда. Все чувства — слух, обоняние — будто исчезли, оставив только эту близость. Он почувствовал, что этот человек стал его якорем в этом огромном мире.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросил Линван.

— Потому что хочу запомнить тебя всяким. Смеющимся, на кухне, на тренировке... и даже таким, поющим невпопад. Ты — мое сокровище.

Линван улыбнулся и приложил руку Жунмяня к своей щеке. — Даже если я многого не умею?

— А зачем тебе всё уметь? Я позволяю тебе быть усталым, быть неидеальным. Если бы ты был безупречен во всем, я бы засомневался, человек ли ты вообще. У меня тоже скверный характер и куча недостатков. Но я буду смотреть на тебя всегда, просто потому что мне это нравится, — Жунмянь шутливо ущипнул его за нос.

В тишине комнаты музыка смолкла. В глазах Линвана вспыхнул огонек.

— Внезапно мне захотелось спеть тебе настоящую песню о любви.

Жунмянь уютно устроился в его руках: — Ой, лучше не надо.

Линван одновременно возмутился и рассмеялся, легонько сжав его щеку: — Сам просил, а теперь — «не надо»!

— Я просто вдруг захотел спать, — пробормотал Жунмянь, довольно прикрывая глаза.

Линван смотрел на него. Сначала он полюбил его за красоту, но теперь всё изменилось. Это был именно он. Жунмянь. Единственный. Душа из другого мира наконец нашла свой причал в этой бесконечной галактике. Одиночество, пропитавшее кости, отступало перед теплом другого человека.

«Для тебя я всего лишь лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один-единственный в целом свете...»

Жунмянь уже крепко спал.